

А. Г. КРОСС

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВ В АНГЛИИ (1772—1774)

Судьба Василия Петровича Петрова (1736—1799) была незавидна. Сокрушительная новиковская характеристика Петрова в его «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) цитируется весьма часто, но не следует забывать и колкую и остроумную критику «Словаря» в посланиях Петрова. Отпор, который дает сам Петров Сумарокову и Эмину, тоже не лишен основательности и достоинств.

При жизни, однако, Петров имел не только противников, но и сторонников; и хотя из суждений его последних критиков слова Белинского: «Трудно вообразить себе что-нибудь жестче, грубее и напыщеннее дебелой лиры этого семинарского певца»¹ — широко известны, следует вспомнить посмертную защиту Петрова, предпринятую его современником И. И. Дмитриевым в 1820-е годы. В своих мемуарах Дмитриев рассказывает, что он, будучи молодым человеком, «находил язык Петрова тяжелым и неблагозвучным», и добавляет: «Тогда я не имел истинного понятия о сущности поэзии и заключил его в одной только чистоте слога и гармонии».² Далее он цитирует строки поэта, которого называет «столь несправедливо забытым ныне Петровым», и дает короткую, но в целом восторженную оценку его трудов в разных жанрах.³ Вскоре после окончания мемуаров Дмитриев пишет «Надпись к портрету лирика» (1826):

Потомство! вот Петров,
Счастливейший поэт времен Екатерины;
Его герои — исполины;
И сам он по уму и духу был таков.⁴

Десять лет спустя П. А. Вяземский сказал Дмитриеву о своем желании издать сочинения Петрова: «У нас его совсем не знают.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 115.

² Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1895, с. 11.

³ Там же, с. 17, 40—41.

⁴ Там же, с. 329.

Я его теперь перечитывал и объелся его сочными выражениями и особенно жирными рифмами».⁵ И. А. Шляпкин в 1885 г. говорил об «изысканной лести» Петрова и был уверен, что «других интересов, кроме эгоистических, у него почти не было».⁶ В своей оценке од Петрова Шляпкин также одобрительно цитировал Н. С. Селивановского, сына известного издателя С. И. Селивановского, который считал, что ода Петрова к адмиралу Мордвинову (1796) была «единственная по искренности из всех его од».⁷ Г. А. Гуковский называет позицию Петрова «бесстыдным низкопоклонством» и считает, что исключение поэм, прославляющих Орлова, из числа од, составивших первую часть собрания сочинений Петрова 1782 г., является доказательством его лицемерия.⁸ Все это было, однако, не так просто и однозначно. Не говоря уже о том, что, как мы далее увидим, связи между Петровым и Мордвиновым были особого рода — какие существуют между друзьями более или менее одинакового социального статуса: льстивое восхваление Екатерины и ее двух самых знаменитых и, позволим себе сказать это, замечательных фаворитов Орлова и Потемкина (которые все еще дожидаются объективной оценки их роли как литературных меценатов) было искренним и глубоко прочувствованным и отражало истинное уважение и благодарность, которые Петров к ним испытывал. Исключение поэм об Орлове в те времена было вполне понятным политико-тактическим поступком, и нет оснований думать, что скорбь и горе, которые Петров испытал при смерти Потемкина и Екатерины, были вызваны только страхом за свое будущее благополучие.

Хотя советские ученые (Г. А. Гуковский, Л. Г. Бараг⁹ и И. З. Серман¹⁰) по-новому проанализировали творчество Петрова, ничего существенного не было добавлено, однако, к тому, что нам уже известно о его биографии. Основным биографическим источником оставалась «Жизнь Василия Петровича Петрова», опубликованная в 1818 г. и основанная главным образом на сведениях, почерпнутых у его сына.¹¹ Несколько писем, открытых впоследствии, было опубликовано в журналах XIX столетия. Тем не менее материалов в нашем распоряжении очень мало — вследствие чего

⁵ Письма П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву. — Русский архив, 1869, № 4—5, с. 650.

⁶ Шляпкин И. А. В. П. Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II (1736—1799). — Исторический вестник, 1885, № 11, с. 384, 405.

⁷ Там же, с. 403.

⁸ Гуковский Г. А. Петров. — В кн.: История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 354.

⁹ Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века. (Василий Петров). — Учен. зап. кафедры лит-ры и языка Минского пед. ин-та, ч. 1, 1940, с. 68—92.

¹⁰ Серман И. З. Русская поэзия второй половины XVIII века. Державин. — В кн.: История русской поэзии, т. I. Л., 1968, с. 126—128.

¹¹ Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения, ч. I, № 1, 1818, с. 116—138.

поэзия Петрова, состоящая в основном из похвальных од, кажется менее личной и автобиографической, нежели она является на самом деле.

В настоящей статье делается попытка, с помощью прежде не публиковавшихся писем, пролить свет на одну из непроясненных страниц биографии Петрова и таким образом приблизить личность поэта к его творчеству.

Как хорошо известно, Петров впервые привлек внимание Екатерины и ее вельмож своей «Одой на великолепный карусель» (1766), написанной в то время, когда он был учителем в Московской славяно-греко-латинской академии. Вызванный в 1768 г. в Петербург, Петров был назначен переводчиком кабинета ее величества и чтецом императрицы. По-видимому, Петров еще в Москве страстно желал отправиться в заграничное путешествие; в 1772 г. в конце концов ему это было императрицей разрешено, и он отправился в Англию, где ему предстояло прожить три года. По возвращении он был назначен библиотекарем императрицы и оставался при екатерининском дворе до 1780 г., после чего удалился в свое имение; зимы он до самой своей смерти проводил в Москве. Жалованье сохранялось за ним и в отставке, и он продолжал писать оды на всякие события общественного или военного значения.

Годы, проведенные Петровым в Англии, были, по-видимому, важным и интересным временем его жизни; однако до сих пор все комментарии по этому периоду носили самый поверхностный и умозрительный характер. Здесь опять источником сведений для литературоведов явились записки Язона Петрова (1818). Я. Петров писал: «При отправлении в 1772 году Силова в Англию <Екатерина> благоволила послать и Петрова, определя ему достаточное содержание. Здесь, скоро обучась английскому языку, он перевел поэму Мильтона: Потерянный рай. Здесь сочинил он многие шуточные и поучительные письма и снискал дружбу ученых британцев, которые тогда сняли портрет его. Из Англии отправился он в 1774 году с Дюшессою Кингстонскою во Францию, откуда вскоре возвратился чрез Италию и Германию в отечество, как говорил он, из дальнего похода не ранен и не бранен».¹² После опубликованных в 1858 г. двух писем к Екатерине от Петрова (24 августа 1774) и Силова (5 сентября 1774),¹³ ничего нового не появлялось в печати до самого 1885 г., когда вышла статья Шляпкина «по новым данным». Шляпкин цитирует новые письма Петрова и Силова к Екатерине и идет, не всегда удачно, по материалам Язона Петрова. Шляпкин пишет: «В Англии он переводил „Потерянный рай“ Милтона, „О должностях“ Томаса, изучил Аддисона и писал оды»,¹⁴ — не учитывая того факта, что Антуан То-

¹² Там же, с. 129.

¹³ Библиографические записки, 1858, т. I, № 17, с. 528—530.

¹⁴ Шляпки И. А. В. П. Петров..., с. 391.

ма был французом и что переложение Петровым его оды «Devoirs de la société» было напечатано в «Ни то, ни се» в 1769 г.; кроме того, он ошибочно принял слова Петрова «твой Аддисон» в первом послании «Галактиону Ивановичу Силову» за выражение любви самого Петрова к английскому моралисту.¹⁵ Далее Шляпкин замечает: «Английское влияние сильно отразилось на нашем поэте», и цитирует интересное, но ничем не подтвержденное высказывание современника Петрова М. Н. Муравьева: «Заметно, по его образу мыслить и чувствовать, что он жил в Англии».¹⁶

Другие ученые в свою очередь сочли эти данные достоверными и тоже размышляли о степени английских влияний. Гуковский пишет: «Пребывание в Англии оставило свой след, правда, незначительный, и в его творчестве. Впрочем, он вовсе не воспринял новых веяний современной ему английской поэзии и пытался подражать устаревшему для 1770-х годов поэту английского классицизма А. Попу».¹⁷ Бараг и Серман не столь категоричны. Бараг пишет: «Несомненно влияние, оказанное на Петрова сенсуалистической философией Локка, с сочинениями которого он, вероятно, познакомился в Англии в 1772—1774 гг. Это влияние сказывается, например, в посланиях к Силову».¹⁸

И. З. Серман замечает: «Петров провел время в Англии с большой пользой для себя. Он основательно изучил английский язык, заинтересовался английской поэзией, напечатал в 1777 году прозаический перевод трех песней поэмы Мильтона „Потерянный рай“. В Лондоне Петров продолжал внимательно следить за политическими и литературными событиями в России и откликался в своих стихах на все, что его так или иначе задевало».¹⁹

В общем, все, что было известно о пребывании Петрова в Англии, сводится к рассказу его сына, нескольким письмам Петрова и его товарища Силова да нескольким поэтическим произведениям, бесспорно написанным в Лондоне, как-то: послания «Галактиону Ивановичу Силову» («Счастливое дитя незнатного отца» и «Так, Силов! рассвело, воспрянем ото сна»), «Григорию Григорьевичу Орлову» («Усердный своего отечества любитель»), «К.... из воинского стана под Дунаем», «К.... из Лондона», «К Екатерине Второй» («Прости, Монархиня, я в мыслях потерялся») и «Поэма на победу российского воинства».

Были еще в статьях Язона Петрова и Шляпкина беглые упоминания о двух людях — англичанине и русском, которых Петров знал в Лондоне. Имеется еще интересное упоминание о герцо-

¹⁵ Бараг повторяет эти ошибки, см.: Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии..., с. 84.

¹⁶ Муравьев М. Н. Соч., т. II. СПб., 1847, с. 379.

¹⁷ Гуковский Г. А. Петров, с. 355.

¹⁸ Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии..., с. 79.

¹⁹ См.: Поэты XVIII века, т. I. Л., 1972 (Библиотека поэта, Большая серия), с. 321.

гине Кингстонской, с которой, как предполагалось, Петров и Силов ездили во Францию перед возвращением в Россию, и о не названном посольском священнике в сентябрьском письме Силова к Екатерине 1774 г.; священник этот — тот самый Самборский, которого позднее Петров упоминает в письме 1797 г.²⁰

Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815) был, пожалуй, одной из главных фигур русской общины в Лондоне в конце 60-х и в 70-е годы XVIII в. Сын украинского священника, он обучался в Харьковской духовной академии, откуда прибыл в Лондон, чтобы служить в посольской церкви и одновременно изучать английские методы сельского хозяйства. После возвращения священника отца Ефрема Дьяковского в 1768 г. в Россию Самборский стал настоятелем и был им до 1779 г., когда Екатерина отозвала его на родину с целью создания в России школы практического сельского хозяйства. Этот проект был осуществлен только при Павле; Екатерина отправила Самборского сопровождать цесаревича Павла с супругой в их путешествии по Европе; затем он был назначен законоучителем к великим князьям Александру и Константину, а с 1788 г. служил первым протоиереем в церкви св. Софии близ Царского Села. Вспоминая лондонские годы, Самборский в письме 1804 г. писал: «По совершении священной должности в храме, все прочее время употреблял я для приобретения не собственной пользы, а блага общего — успехов российских художников, кораблестроителей, мореходцев, земледельцев, пользуясь всеми возможными случаями и способами».²¹ Именно попечению Самборского были поручены в 1772 г. Петров и Силов; уважение и любовь, которые он им внушил, видны из письма Силова Екатерине: «Еще осмеливаюсь одобрить нашего здешнего священника, которому я имею великие обязательства и который своей добродетелью и ревностью к России всеми любим и почитаем».²² Чувства, которые Петров питал к Самборскому, он выразил в пяти письмах, которые написал ему в период 1774—1779 гг. Эти письма сохранились в архиве Самборского в Пушкинском Доме и ныне публикуются впервые. В этом богатом архиве содержится множество писем к Самборскому от русских, получивших от него помощь, иногда в форме быстрого выполнения их поручений из России, иногда же — прямо в Англии. На основе этих писем можно не только добавить ряд деталей к биографиям Петрова и Силова, но и представить себе в целом ту замечательную группу русских, которые находились в Лондоне в начале 70-х годов.

Первое письмо Петрова к Самборскому из Женевы, датированное 17 мая 1774 г., важно не только потому, что оно подтверждает факт знакомства Петрова с Элизабет Чедли, герцогиней Кинг-

²⁰ Шляпки И. А. В. П. Петров..., с. 390, 402.

²¹ Русский биографический словарь. Сабанеев—Смыслов. СПб., 1904, с. 148.

²² Шляпки И. А. В. П. Петров..., с. 390.

стонской (1720—1788), одной из наиболее экзотических личностей того времени, но и потому, что, как явствует из этого письма, существующие сведения о поездке Петрова по Европе ошибочны. Вскоре после погребения герцога Кингстонского (13 октября 1773 г.), своего второго мужа по двоемужному браку, герцогиня решила отправиться в Рим и подняться по Тибру в собственной яхте. В Риме итальянское общество оказало ей очень теплый прием. Сам папа Клемент XIV принимал ее неоднократно. Герцогиня оставалась в Италии до весны 1774 г., когда известие о том, что члены семьи Мидоус собираются оспаривать завещание герцога и предпринять судебное преследование, заставило ее возвратиться в Англию.²³ Несмотря на утверждение Петрова, что герцогиня желает вернуться «с возможной поспешностью», двигались они медленно, в значительной степени из-за болезни герцогини. Ехали они из Рима через Флоренцию, Геную, Антибы, Женеву и Париж, которого они достигли только в конце июня. В Лондон герцогиня прибыла только 9 июля; в начале августа она уже снова уехала, едва успев спастись от ареста по обвинению в двоемужестве. Петров же остался в Лондоне, встретившись со своим другом Силовым. Их письма к Екатерине датированы концом августа—началом сентября: в них выдвигаются основания для отсрочки возвращения в Россию; можно считать, что их путешествие домой через Францию и Германию началось только осенью. Поэтому представляется вероятным, что Петров прибыл в Россию только в начале 1775 г. Петров, но не Силов, ибо есть основание предполагать, что Силов скончался во время этого путешествия.

В числе восемнадцати писем Николая Семеновича Мордвинова Самборскому, посланных между 1774 и 1805 гг., есть письмо, в котором говорится о смерти Силова. Там сказано следующее: «Я без слез не могу вспомнить любезного Силова и Петрова. Боже мой, какая потеря. Никогда мы, его друзья, не будем утешены; прямо часть нашего благополучия пропала. Я на этих днях только смерть его узнал; и совсем несчастлив сделался. Раз по пяти в день не могу удержаться от слез. Вот удар первый, что сердце мое чувствует; вот горесть истинная, что я ощущаю теперь. Я так севодни тронут сим несчастием, получив от вас письмо, что распух весь от слез. А! батюшка, он умер; но мы его век не забудем; он мертв, но жив для нас; мы его будем видеть на небесах, как видели его в отдаленности на земли. С каким прискорбием обращаю [*оторвано* — свой взор?] я на Петрова. Какая печаль, какой удар для него. Боже мой, может ли быть что прискорбнее, как класть своими руками друга своего во гроб и зарывать землею того, к которому сердце приложено. Забудем, если можно, такое горестное и болезненное воспоминание; будемте утешаться добродетельми умер-

²³ Mavor E. The Virgin Mistress: The Life of the Duchess of Kingston London, 1964, p. 110—119.

шего друга нашего; и соединим еще ближе дружбу и привязанность нашу, по уменьшению их пространности и по драгоценности их, как мы ощущаем теперь еще больше в сем несчастном потерянии».²⁴

Письмо не датировано, однако на конверте можно различить печать 11 апреля, хотя без года. По-видимому, Мордвинов пишет Самборскому из какого-то европейского города или порта, где в течение предыдущих десяти месяцев он выполнял разные поручения; тут же он пишет, что надеется снова увидеть Самборского в Лондоне в ближайшем будущем. Мы знаем, что в сентябре 1774 г. Силов был жив и что Мордвинов, приехавший в Англию весной 1774 г., отплыл в Россию в июле 1777 г. Известно также, что летом 1775 г. сам Самборский вернулся в Россию и оказался опять в Англии только осенью 1776 г.: во втором письме Петрова от 20 октября 1776 г. из С.-Петербурга речь идет, по-видимому, о его неудавшейся попытке встретить Самборского во время его сухопутного обратного путешествия в Англию. Очевидно, смерть Силова произошла или в конце 1774 или в самом начале 1775 г., чем и объясняется тот факт, что о Силове после этого нет никаких упоминаний в письмах Петрова, Самборского, Екатерины и др.

Здесь следует прибавить еще кое-что о Силове, этом «чудесном юноше», возникшем как бы ниоткуда и вскоре исчезнувшем, очаровывавшем, по-видимому, каждого, кто его знал. Из писем Силова к Екатерине следует, что он был сиротой, но имел в Москве братьев, для которых испрашивал покровительства императрицы.²⁵ Самое раннее упоминание о Силове встречается в письме Екатерины графу Ивану Григорьевичу Чернышеву от 14 декабря 1768 г., написанном вскоре после того, как доктор Димсдэйл успешно привил императрице оспу. Она описывает свое восхищение мальчиком, Александром Дапиловым сыном Оспиным, от которого ей была привита оспа, и добавляет: «Непокойный Купидон Галактион (т. е. Силов, — А. К.) с товарищами не входят с ним в сравнение» и в постскриптуме пишет: «Галактион Иванович велел спросить, скоро ли будет слоник, который вы ему обещались из Китая прислать!».²⁶ По-видимому, Силов, которому в то время было 12 или 13 лет, был пажом при дворе; лет шесть спустя Петров и другие говорят о нем как о юноше, еще не созревшем физически и духовно. Мордвинов в другом письме к Самборскому пишет о Силове: «Мой питомец»,²⁷ хотя эти слова свидетельствуют скорее о покровительственном отношении Мордвинова к молодому человеку, чем о каких-то постоянных отношениях. В Лондоне Силов изучал математику, «мою жепу», как он

²⁴ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 18, л. 25—26.

²⁵ Шляпки И. А. В. П. Петров..., с. 390.

²⁶ Русский архив, 1871, № 9, с. 1321—1322. В публикации не указано, что имеется в виду Силов.

²⁷ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 1, л. 1—1 об.

шутливо писал Екатерине, и английский язык, которым он вскоре овладел настолько, что мог наслаждаться произведениями Аддисона. Два послания Петрова к Силову, написанные в Лондоне, из которых ясно, что Силлов, как и сам Петров, был незнатного происхождения, показывают любовь Петрова к его подопечному²⁸ (Петров по отношению к Силову усвоил себе роль наставника). Оба, и зрелый поэт (Петрову тогда пошел тридцать седьмой год), и юноша Силлов, были, по-видимому, не только хороши собой, но и очень человечески привлекательны; к тому же несомненный талант Петрова и его широкая образованность не могли не производить впечатления. Во многих письмах к Самборскому, написанных в начале 70-х годов, авторы писем передают приветы Петрову и Силову. Русский посол, А. С. Мусин-Пушкин, пишет: «Любезный друг мой Василий Петрович».²⁹ Петров, видимо, был в хороших отношениях и с другими представителями посольского персонала. В первом письме к Самборскому он вспоминает про «милого друга Ивана Татищева», а в третьем — о Михаиле Ивановиче Татищеве. Иван был переводчиком посольства; его брат занимал должность актуариуса.³⁰ Интересно отметить, что «Наказ» Екатерины, который восхвалял Петров в оде «На сочинение нового уложения», был переведен на английский язык Михайлом Татищевым.³¹ Иван Татищев был также переводчиком с французского и с английского и опубликовал в 1790 г. свой перевод «Семи речей, произнесенных в Королевской Академии» сэра Джошуа Рейнольдса (Лондон, 1778).³² Среди прочих членов посоль-

²⁸ Внимательное прочтение первого послания указывает также на неточность другого свидетельства Я. Петрова о его отце. Он пишет: «До путешествия и во время оного Петров чужд был всякой телесной недуги, так что в Англии называли его вывескою здоровья» (Труды Вольного общества... , с. 131). Сам Петров, однако, говорит:

Недвижим на одре средь тяжкого недуга,
Я томным оком зрю о мне слезяца друга.

Самборский в письме от 18 февраля 1773 г. к Я. И. Булгакову пишет, что Петров «чуть было не умер» (ГБЛ, ф. 41, Булгаковы, картон 129, ед. хр. 27, № 1, л. 1—1 об.). В письмах других корреспондентов Самборского также есть ссылки на серьезный характер болезни Петрова в 1773 г. (ИРЛИ, РО, ф. 620, ед. хр. 130, № 1, л. 1; ед. хр. 134, № 1, л. 1—1 об.). Сведения о болезни Петрова позволяют датировать послание не 1772 г., как это сделано в кн. «Поэты XVIII века» (т. I, с. 594), а 1773-м.

²⁹ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 130, № 1, л. 1.

³⁰ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. II. Варшава, 1897, с. 335.

³¹ The Grand Instruction to the Commissioners Appointed to Frame a New Code of Laws. London, 1768. Он также издал книгу: A Description of the Manner in which the Commissioners for Establishing a New Code of Laws was Opened at Moscow on Friday the 3rd Day of August, 1767. London, [s. a.].

³² Речи, говоренные кавалером Рейнольдсом в Аглинской королевской академии художеств в Лондоне. СПб., 1790.

ства, с которыми Петров, без сомнения, познакомился, фигурирует талантливый Михаил Иванович Плещеев, который позднее, с 1775 г., начал публиковать ряд интересных переводов с английского под псевдонимом «Англоман».³³

За три года, которые Петров провел в Лондоне, там побывало еще несколько русских: одни там учились, другие приезжали как путешественники. Кроме Мордвинова, из известного мне списка в восемнадцать человек следует назвать студентов Оксфорда В. Н. Никитина и П. И. Суворова, граверов Г. И. Скородумова и Ф. С. Степанова, студента-медика в Эдинбурге А. И. Италинского и «знатных путешественников» — графа В. Г. Орлова, князя Г. П. Гагарина, барона Г. Н. Строганова, А. В. Нарышкина и Н. А. Демидова. Доказано, что Петров встречался или был известен почти всем этим лицам, представляющим тот широкий круг знакомств, который Петров имел не только в Лондоне, но и в России. Не следует забывать, что, водя дружбу со знатными, Петров сохранял дружеские отношения и с людьми более низкого общественного положения, которые нередко обращались к нему за помощью.

Из всех русских, с которыми Петров встречался в Лондоне, следует обратить особое внимание на троих; тесные отношения с ними сохранялись у Петрова и после возвращения в Россию. Двое из них — сыновья бедных священников, как и сам Петров: Василий Никитич Никитин (1737—1809) и Прохор Иванович Суворов (1750—1815) с 1766 г. учились в Оксфорде и оставались в Англии до июля 1775 г. Они могли встречаться с Петровым в Лондоне, ибо ежегодно на пасху приезжали туда исповедоваться Самборскому; но Никитин знал Петрова еще с тех времен, когда оба они были учителями в Славяно-греко-латинской академии, где Никитин преподавал древнееврейский язык, а Петров — поэтику и риторику. Никитин упоминает Петрова в письме к Самборскому из Оксфорда от 18 ноября 1773 г. и, что важнее, в более позднем письме от 27 сентября 1778 г., когда Никитин и Суворов служили учителями в Морском кадетском корпусе в Кронштадте.³⁴

Имена трех друзей знаменательным образом соединились, когда несколько лет спустя, 17 ноября 1783 г., они все были сделаны членами только что организованной Российской академии. И действительно их объединяла не только дружба, но и сходные взгляды на литературу и язык. Хотя Никитин и Суворов известны главным образом благодаря их работам в области математики, познания и интересы их были обширны и глубоки. Во множестве работ они доказывают богатство русского языка, систематически заменяя, даже в математических трудах, ипостранные слова русско-

³³ См.: Алексеев М. П. Первое знакомство с Шекспиром в России. — В кн.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 51—53.

³⁴ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 104, № 3, л. 1, 4 об.

славянскими. Об их позиции всего красноречивее свидетельствует суворовское «Слово на всерадостное торжество мира между Российской империею и Оттоманскою Портою» (СПб., 1794); это же событие и сам Петров не преминул воспеть в оде. С «изысканной лестию», соперничающей с петровской не только в накале, но и в искренности, Суворов превозносит и Екатерину, и Академию, которых он видит соединенными в их преданности всему славянскому, в особенности языку.³⁵

Третий русский, о котором речь шла выше и с которым не только Петров, но и Суворов и до некоторой степени Никитин были в самых дружеских отношениях, — это Мордвинов. О том, как любил Мордвинов Петрова и Силова, уже говорилось; дружеские связи, соединявшие Мордвинова с Петровым, сохранялись всю жизнь. До сих пор петровская ода Мордвинову (1796) рассматривалась только в контексте других од, воспевающих видных людей екатерининского царствования, ее отличала разве что большая мера искренности. Пушкин в собственной оде «Мордвинову» (1827) справедливо говорит: «Не вотще Петров тебя любил».³⁶ Любовь эта была взаимна. Сам Петров говорит о близости их интересов, и ода его, вышедшая отдельным изданием в 1796 г., была панегириком другу в то время, когда в Петербурге на Мордвинова нападали и клеветали враги.³⁷ В 1797 г., когда его неприятности кончились и он был возведен в ранг адмирала, Мордвинов решил установить в городе Николаеве, где базировалось Черноморское морское управление, печатный станок, с помощью московского печатника С. И. Селивановского, которого ему рекомендовал Петров. В числе первых произведений, отпечатанных на николаевском станке, была ода Петрова на коронацию Павла — характерное для Мордвинова проявление благодарности и уважения другу.³⁸ В 1798 г. Суворов, который за три года перед тем, в 1795 г., ушел из Морского кадетского корпуса, по настоянию Мордвинова снова вернулся на службу, на этот раз в качестве профессора английского языка в штурманском училище в Николаеве. Не прошло и года после того, что Мордвинов и Суворов воссоединились, как их друг Петров скончался в Москве. Но они его не забыли, — это доказывает письмо Суворова Мордвинову 1812 г., где

³⁵ Более детальное рассмотрение взглядов Суворова и Никитина и сведения об их пребывании в Англии см.: Cross A. G. Russian Students in Eighteenth-century Oxford (1766—1775). — *Journal of European Studies*, 1975, vol. V, № 2, p. 91—110.

³⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. III. М., 1963, с. 16; см. также: Стенник Ю. В. Стихотворение А. С. Пушкина «Мордвинову». — *Русская литература*, 1965, № 3, с. 172—181.

³⁷ См. письма Мордвинова Самборскому 1795 г.: ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 10—11, 16—17.

³⁸ См.: Cross A. G. Printing at Nikolaev, 1798—1803. — *Transactions of the Cambridge Bibliographical Society*, 1974, vol. VI, № 3, p. 149—157.

он описывает свое посещение могилы «почтенного друга нашего Василия Петровича».³⁹

До сих пор, говоря о годах пребывания Петрова в Лондоне, мы показывали, что это время было важно потому, что здесь завязались, иногда на всю жизнь, его дружеские отношения с некоторыми русскими людьми; и, без сомнения, он проводил с русскими много времени. Однако его очень заинтересовала Англия, английская литература, английские учреждения, и он старался создать себе круг английских знакомств. Это не могло представить особых трудностей, тем более что в отце Самборском он имел друга, обладавшего множеством связей с англичанами. Большая часть знакомых Самборского нам известна, но было бы наивно думать, не имея тому доказательств, что и Петров знал их всех. Придется ограничиться теми, кого Петров называет в письмах к Самборскому, и теми, кто сам говорит о своем знакомстве с русским поэтом.

Путешествие Петрова в Италию с герцогиней Кингстонской уже было описано; ее желание выучиться с его помощью русскому языку — интересное подтверждение того, как давно она задумала поехать в Россию, чтобы увидеть свою героиню — Екатерину Великую. В августе 1777 г. в Петербурге Петров возобновил знакомство с герцогиней и, судя по письму Мордвинова к Самборскому, исполнял разные ее поручения.⁴⁰ Герцогиня прибыла в Петербург во всем великолепии, на новой роскошной яхте, в сопровождении свиты, куда входил преподобный Джон Форстер.⁴¹ Это тот самый Форстер, о котором Петров упоминает в первом и третьем письмах к Самборскому, личный капеллан герцогини и давний друг Самборского: без сомнения, Форстер же представил Петрова герцогине в Англии. Это была оригинальная личность. Россией он заинтересовался с первого же приезда, еще в елизаветинское царствование, когда он был личным капелланом графа Хиндфорда — британского представителя в С.-Петербурге с конца 1744-го и до конца 1749 г.⁴² В 60-е годы Форстер — преподаватель истории у русского дворянина по имени Арсеньев; он рассказывает ему повесть, впоследствии опубликованную в «Паблик Леджер» от 25 октября 1777 г.⁴³ В это время Форстер был в Петербурге, где он оставался до своей смерти. Он умер в июне 1781 г. в преклонном возрасте — ему было 84 года.⁴⁴ В 1720-е и 1730-е

³⁹ Архив графов Мордвиновых, т. IV. СПб., 1902, с. 277. Публикатор ошибочно полагает, что упоминаемый Петров — это художник Петров (1770—1811).

⁴⁰ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 1, л. 1, 3 об.

⁴¹ См.: Letter from the Rev. Mr. Forster, Chaplain to the Duchess of Kingston to a Friend in England, dated Petersburg, 27th September 1777. — Gentleman's Magazine, 1778, vol. XLVIII, p. 111—112.

⁴² The Guildhall. London. British Factory in Russia Church Register, 1706—1815. Ms. 11, 192B, f. 19.

⁴³ The Diary of Syllas Neville. 1767—1788. London, 1950, p. 31, 32.

⁴⁴ The Guildhall, Ms. 11, 192B, f. 70.

годы Форстер был гувернером Эдварда Уортли Монтэгу (1713—1776), и в 1777 г., через год после смерти своего бывшего воспитанника, он не только поведал свету о его бурной юности, но и заявил о своих правах на авторство «Размышлений о возвышении и падении древних республик применительно к современному положению Великобритании», изданных в 1759 г. под именем Монтэгу.⁴⁵ Петров и Самборский были в числе тех многочисленных русских людей, которым была известна эта претензия; после смерти Форстера кипа рукописей под заголовком «Размышление о возвышении и падении древних республик и еще две рукописи, написанные мною, но напечатанные под именем Эдварда Уортли Монтэгу, эсквайра» была обнаружена членами английской семьи, которую Форстер знал много лет и которой в 60-е и 70-е годы он постоянно представлял своих русских друзей в Лондоне. Это семья Бентамов.⁴⁶

В 1768 г. Форстер представил Иеремию Бентаму и его сыновьям, Иеремию и Сэмюэлю, братьев Татищевых и Самборского, с которыми они спорили о Екатерине и в особенности о ее «Наказе». Иеремия оставил интересный рассказ о том, как Татищевы оспаривали заслуги Монтескье: «Спор шел о главных принципах, что было главной бессмыслицей: шла постоянная игра словами, которым они не могли дать определения и которым каждый приписывал другое значение, — такими как „честь“, „добродетель“, „страх“; честь, по их мнению, — любовь к своей репутации или к той власти, которой может достичь человек; добродетель — восхищение республиканским образом правления».⁴⁷ Естественно, что, когда Петров прибыл в Лондон, Форстер и Самборский должны были ввести его в бентамовскую семью. В переписке Бентамов их встречи и споры с Петровым не отражены; он упомянут впервые тогда, когда, уже вернувшись в Петербург, стал библиотекарем императрицы и, с точки зрения Бентамов, занял положение, наилучшим образом позволявшее ему передавать императрице те проекты, к которым Бентамы хотели привлечь ее внимание.⁴⁸

В третьем письме, от 21 июня 1777 г., Петров называет еще одного англичанина, у которого был столь же, если не более, широкий круг знакомств, как у Бентамов и Форстера, — Джона Парадиза. «Джон Парадиз — ученый, не написавший ни одной книги, член Королевского общества, не поставивший ни одного опыта, широко известный лингвист, не слишком хорошо говоривший

⁴⁵ Spurling Jonathan. Edward Wortley Montagu 1713—1776: The Man in the Iron Wig. London, 1954, p. 40—47, 148—149.

⁴⁶ The Works of Jeremy Bentham, edited by John Bowring, vol. X. Edinburgh, 1843, p. 67. Бентам называет Форстера «в некотором роде атеистом».

⁴⁷ The Works of Jeremy Bentham..., p. 67.

⁴⁸ The Correspondence of Jeremy Bentham, vol. 11. London, 1968, p. 115, 206.

на языке страны, в которой жил, доктор гражданского права Оксфордского университета, весьма мало знавший о праве, философ, чья домашняя жизнь была трагической ошибкой, поклонник Свободы, бывший рабом своего окружения и своей жены. Человек, рассуждавший умно и действовавший глупо или не действовавший вовсе. Человек, насчитывающий среди своих ближайших друзей многих величайших государственных деятелей Англии и Америки, знакомый, вероятно, с большим количеством интеллектуалов континентальной Европы, чем любой англичанин — его современник, и который мог предложить всем только свое широкое гостеприимство, личное обаяние и гений дружбы».⁴⁹ К этим словам его биографа остается добавить, что последние тридцать лет своей жизни он был тесно связан с русской общиной в Лондоне, благодаря тому что исповедовал православие и был задушевным другом Самборского, его преемника Якова Смирнова, а с 1785 г. — и русского посла в Англии графа Семена Ромаповича Воронцова, который искренне оплакивал его смерть в 1796 г.⁵⁰ Парадиз был тем человеком, через которого русские знакомились с выдающимися фигурами лондонского общества. Опять-таки можно только предполагать, с кем из них он мог познакомиться Петрова, но и дружбы с одним Парадизом, о котором мы знаем, было достаточно для Петрова, чтобы изучить английскую политическую и культурную обстановку во всех подробностях.

Уже говорилось о том, как русские и советские ученые оценивали влияние английской литературы на Петрова. По мнению Шляпкина, влияние это было сильным, по мнению Гуковского — незначительным. Любовь Петрова к Мильтону очевидно доказывается его переводом «Потерянного рая», и критики справедливо соотносят послания Петрова, в частности к Силову, с творчеством Александра Попа или, как предпочитает считать Бараг, — с сенсуалистскими теориями Локка. Однако Гуковскому вряд ли следовало подкреплять свое суждение об А. Попе характеристикой его как «устаревшего для 1770-х годов поэта английского классицизма». Традиция Попа и правоучительных еженедельников, связанных с именем любимого Силовым Аддисона, была сильна в Англии на всем протяжении столетия, несмотря на неизбежные повые веяния; в работах Ю. Д. Левина показано, как велик был интерес к литературе английского классицизма в России этого времени.⁵¹

⁴⁹ Shepperson A. B. John Paradise and Lucy Ludwell of London and Williamsburg. Richmond, Virginia, 1942, p. 5.

⁵⁰ См.: Struve G. John Paradise — Friend of Doctor Johnson, American Citizen and Russian «Agent». — The Virginia Magazine of History and Biography, 1949, vol. LVII, № 4, p. 355—375.

⁵¹ Левин Ю. Д. 1) Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Л., 1967, с. 3—109; 2) Английская поэзия и литература русского сентиментализма. — В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 195—297.

Петров жил в Лондоне в то время, когда и в литературе, и в политике происходили интересные и значительные события. Сэмюэль Джонсон, близкий друг Джона Парадиза, в начале 1770-х годов был в зените своей славы. Знаменитый «Клуб», основанный в 1764 г., оставался местом встреч выдающихся представителей литературного и культурного мира, таких как Джеймс Босвелл, сэр Джошуа Рейпольдс, Оливер Голдсмит, Эдуард Гиббон и Эдмунд Берк. Голдсмит до самой своей смерти (1774) продолжал писать стихи и прозу и, главное, завершил комедию «Она смиряется, чтобы победить» (1773); Берк издавал свои изложенные изящной прозой речи в парламенте, включая речь «Об американском налогообложении» (1774); Рейпольдс читал в королевской Академии свои президентские лекции, за первый том которых, опубликованный в 1778 г., он заслужил золотую табакерку от Екатерины (перевод на русский язык Ивана Татищева). Происходили в эти годы и другие литературные события, вызывавшие в Лондоне большое волнение, которые не могли не заинтересовать Петрова. В 1774 г., через год после смерти автора, Филиппа Дормера Стэнхопа, четвертого графа Честерфилда, были опубликованы его «Письма к сыну»;⁵² в том же году Томас Уортон издал первый том своей новаторской «Истории английской поэзии». Возможно, примером тех «новых веяний современной ему английской поэзии», которых, по словам Гуковского, Петров «вовсе не воспринял», были «Поэмы Оссиана», изданные Джемсом Макферсоном (1773), и завершённый в 1774 г. «Менестрель» Джеймса Битти, шотландского поэта и профессора нравственной философии, с которым друг Петрова, Никитин, встретился предыдущим летом в Оксфорде.⁵³

На основании поэм, написанных в лондонские годы, И. З. Серман отмечает, что Петров внимательно следил за литературными и политическими событиями в России. Сведения о них он мог получить как от русского посла, так и от путешественников, приезжающих из России. Английские газеты печатали сообщения о турецкой войне и Пугачевском восстании. К тому же всюду говорили и об английских мятежниках в Америке.

Петров жил в Лондоне в очень интересное время, и, конечно, он вернулся в Россию, не только завязав большое количество знакомств с важными и влиятельными англичанами, но и хорошо познакомившись с разными аспектами английской жизни: он полюбил английский язык, что передалось и его сыну, и навсегда сохранил интерес к английской литературе, о чем свидетельствует просьба к Самборскому купить книги (письмо

⁵² «Скотс Магазин» сообщал, что «русская императрица послала лорду Честерфилду свод законов, начертанных недавно для правительства ее империи. Этот свод напечатан на четырех разных языках и богато оформлен (Scots Magazine, 1772, vol. XXXIV, February, p. 98). См. также: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. I. М., 1963, с. 334.

⁵³ James Beattie's London Diary, 1773. Aberdeen, 1946, p. 67.

от марта 1778 г.). Правда, кроме опубликования «Потерянного рая» в 1777 г., английские влияния мало ощущаются в его последующем творчестве. Однако, будучи в отставке, он занялся деятельностью, в которой сказалось вплитературное влияние Англии. Его сын пишет: «Отдохновением от ученых занятий жертвовал он сельскому хозяйству, в усовершенствовании которого он во многом следовал англичанам, выписывал их земледельческие орудия и некоторых крестьянских детей обучал грамоте».⁵⁴ В этом Петров был верным учеником прежде всего Самборского, который, вероятно, больше всех старался распространить новые английские сельскохозяйственные методы по всей России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА В. П. ПЕТРОВА А. А. САМБОРСКОМУ

1

Женева, 1774 мая 17

Мы выехали из Рима, чтоб с возможною поспешностию стать в Англии. Четвертый день стоим в Женеве. У Дучесы от путевого труда нога распухла. Ежели б я не пугался худых следствий от моего медления, я бы мало сожалел о ее болезни. Всего жалче мне то, что я не могу получить от вас письма, коли вы писали что-нибудь до меня касающееся в рассуждении Петербурга. Я совсем полагаюсь на вашу дружбу и благоразумие в сем случае. Я писал к вам в прошедшую почту из Рима мое о сем мнение. Вы не можете поверить, коликая скорбь и туга душе моей, что я теперь не в Англии. Мне хочется выгрузить в ваше сердце все вести, кои я по дороге собрал. Благодарение, кое вы мне оказали, пребудет у меня бессмертно. Ваши деньги были мне милые всех миллионов, кои у Могола в казне. В посланнику пред сим письме к г. Силову, советовал я ему, не сказывая посланнику, отписать к М. Родионовне,¹ что я, будучи болен, поехал с сею госпожою в Ез во Францию: но она провезла меня в Рим. Вы можете теперь прибавить, что мы уже в Женеве на возвратном пути. Мне кажется, нет преступления, что я таким случаем, т. е. желанием сей госпожи учиться по-русски, воспользовался. Но ежели Галашинька писал прежде к М. Р., что я удалился в какую-нибудь провинцию в Англии, то мы все в просаке. Молчите, ребята, все (всё) будет хорошо, как я к вам приеду. По крайней мере, я совершенно здоров и выне как дам кому вяху, го ужу чуть будет. Аще мой увесистый кулак падет на крестец милого друга Ивана Татищева, пополам его сердечушку переломит.² Христа ради, поклонитесь ему от меня. Пожаласта, голубчики, уверьтесь, что я вас так люблю как самого себя. Мое почтение вашей сожительнице и деткам, преподобному отцу Форстеру. Галашиньку поцалуй за меня, успеху в учении и добродетели. Я, чаю, он на поларшина вырос, а мне умереть с зависти, коли он стал выше меня. Препоручая вас божию провидению емь ваш всеусерднейший слуга В. Петров.

2

С. П-бург. Октябрь 20, 1776

Дрожайший мой батюшка. Я ездил тогда в М-гоф, но вас не застал. Вы торопились. За присылку башмаков благодарствую. Еще не заказывайте, пока я не попрошу. На зиму я снабжен. Что вы прислали за куб к г. Зава-

⁵⁴ Труды Вольного общества... с. 137.

довскому? ¹ Сколько вы усердны, столько этот твой подарок нам хлопотен. Вас здесь все любят. Г. Гайнам определен. ² Я ездил далее Москвы прогуливаться. Неизреченно в здравье поправился. Чего я не успею здесь вместить, Гайнам сообщит вам. На сей раз прости и продолжай любить вас от сердца почитающего Петрова.

Мое почтение вашей сожительнице, to Nancy, Sophy, Alexander and if there is any little Creature more. ³

3

1777, июнь 21. С.-Пб.

Дрожайший мой батюшка! Что вы ко мне не пишете? Здоровы ли вы и ваши домочадцы? Я к вам писал и к г. Форстеру с одним Captain, да он, мошенник, видно вам не отдал и для того-то вы никак на меня имеете неудовольствие. Уверьтесь, что я вас люблю и почитаю сердечно. Благодарствую за ваши башмаки. Я вам все заплачу, чем вам ни должен. Прошу вас падеться на меня. Я вам усердствую изо всей мочи. Как вы умеете, извините меня перед господином Форстером и объявите ему мое к нему сыновнее повиновение и преданность. Поклонитесь Михаилу Ивановичу Татицеву, г. Парадизу и всем. Я есмь ваш всеусерднейший слуга В. Петров.

4

Марта, 8, 1778. С.-Пб.

Dear Sir!

Князь доволен вашим письмом. Вот вам и ответ от него. ¹ Благодарствую за ваши башмаки. Однако они велики. Надобно делать по старой форме, покороче. Она есть у башмашника, да еще их у меня много. Для чего вы не пишете, сколько вам за них и за инструменты, присланные Голикову, ² надобно денег. Или вы решились дарить весь свет? Пожалуй, опишите, сколько я вам должен? Я вам перешлю чрез г. Гайнама скоро на покупку мне книг, коих каталог вам здесь приобщаю. ³ Где хотите, мне их ищите. Сего письмоподателя прошу, батюшка, как-нибудь пристроить. Он беден, да, кажется, к учению жарок. ⁴ Гр. Я. А. Брюс вам неизреченно одолжен за призрение князька. ⁵ Я вас люблю от всего сердца и уверяю вас, что за мной ваши деньги не пропадут. Пожалуста, купите мне книги. Всей вашей фамилии мое почтение, и твоим сотоварицам. ⁶ Вы так их называете. Я болен уже три недели, и чрез мочь письмо к вам ковыряю. Уверьтесь, я есмь и буду ваш усерднейший слуга В. Петров.

5

С.-П-бург, 26 генваря 1779

Батюшка! можно ли, как ты меня любишь! Хотя я свой портрет прячу стыдися, но дружбу твою ко мне живо чувствую. Вы изубычились, чтоб меня возвысить. Имейте терпение, заплачу вам протори и убытки. Что вы ко мне о своем состоянии, т. е. о жалованье, платят ли вам и вашим соученикам, не пишете? Яков А. Брюс берется обще со мною стряпать за вас до поту лица и даже до надорванья всех кишков. Он всенародно изъясняется о вас так, как вы заслуживаете. Вы мне обо всем дайте знать. Филитеру Степановичу засвидетельствуйте от меня благодарность и уверьте, что я сам собираюсь озолотить его. ¹ Для бога пришлите ко мне несколько башмаков, кои б были немножко покороче. Я здесь от русских башмаков столько мозолей натер, что вон не выхожу. На досуге когда будете, прошу заказать дорожную двуместную карету, которая бы в ходу не через чур была широка, тому мастеру, который делал карету для Duchess of Kingston. Его зовут Mg. Wright или Wight. ² Карета должна от рес-

сор лежать на цепях, а не на ремнях. Мастер знает. Вы одолжите оным такого моего друга, коего я люблю так, как вы меня, и который вас любит, как я. Впрочем, на этот раз прощай. От всего сердца желая вам, матушке, детям всякого счастья, есмь ваш усерднейший слуга В. Петров.

ПРИМЕЧАНИЯ¹

Письмо 1

¹ Представляется вероятным, что под именем М. Родионовна у Петрова имелась в виду Екатерина II и что он не хотел вызвать ее неудовольствие своим неофициальным путешествием с княгиней Кингстон.

² Пример «площадного языка», который иногда проникал в оды Петрова и оказывался предметом нападок его врагов. См.: Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века (Василий Петров). — Учен. зап. кафедры лит-ры и языка Минского пед. ин-та, 1940, ч. I, с. 83.

Письмо 2

¹ Граф Петр Васильевич Завадовский (1738—1812) — фаворит Екатерины II в 1776—1777 гг. Он был одним из тех многих людей, которые докучали Самборскому разными поручениями.

² Роберт Гайнэм (1737—1817) стал императорским часовым мастером в 1776 г. и долго и успешно служил в России. См.: Chenakal V. L. Watchmakers and Clockmakers in Russia 1400 to 1850. London, 1972, p. 25 (здесь же воспроизведен его портрет — с. 26); Swan H. «The Hunsams», Home on the Neva. London, 1968, p. 47—59.

³ В это время у Самборского было трое детей: Анна (род. 1770), Софья (род. 1772) и Александр (род. 1776). Второй сын, Исая, родился в 1779 г. и умер спустя четыре года.

Письмо 4

¹ Возможно, князь — Григорий Александрович Потемкин (1739—1794). Однако писем от него этого времени нет среди бумаг Самборского.

² Вероятно, Иван Иванович Голиков (1735—1801), составитель «Деяний Петра Великого».

³ К сожалению, нет сведений о том, какие книги хотел получить Петров.

⁴ Точно указать, кто имеется в виду, нельзя. Возможно, что речь идет о студенте Иване Шерлаимове, посланном Н. А. Демидовым в Лондон в 1778 г. В письме из Москвы от 16 апреля 1779 г. Демидов одобряет намерение Самборского послать Шерлаимова в Эдинбургский университет (ИРЛИ, РО, ф. 620, ед. хр. 74, № 5, л. 1, 7 об.). В письме от 26 декабря 1782 г. Шерлаимов жалуется на тот прием, который был ему оказан в Москве, и пишет, что Петров расскажет Самборскому об этом более подробно (там же, ед. хр. 169, № 1, л. 1—1 об.).

⁵ Граф Яков Александрович Брюс (1729—1791), генерал-аншеф и генерал-губернатор С.-Петербурга и Москвы. Установить, кто такой «князек», не удалось.

¹ Эти письма хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ф. 620, ед. хр. 141, № 5, л. 1—5 об.). О событиях и лицах (княгиня Кингстон, Форстер, Парадиз, Силов, братья Татищевы и т. д.), о которых говорится в статье, в примечаниях сведений не дается.

⁶ «Сотоварищами» Самборского были студенты, набранные им во время его поездки в Россию в 1775—1776 гг. для изучения английских сельскохозяйственных методов: И. М. Комов, М. Е. Ливанов, Е. Ф. Звсрака, А. В. Флавицкий, А. В. Колмаков, В. П. Прокопович и Я. И. Смирнов (который сменил затем Самборского, став капелланом в Лондоне). См.: Гурьянов В. П. Иван Михайлович Комов, его жизнь и деятельность. М., 1953, с. 46—55.

Письмо 5

¹ Филитер Степанович Степанов раньше был крепостным; он изучал гравировальное искусство вместе со Скородумовым под руководством Бартолоцци в Лондоне. Он женился на англичанке, художнице; у них были два сына и дочь, которые в свою очередь стали художниками. Портрет Петрова работы Степанова описан Д. А. Ровинским, см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов, т. II. СПб., 1895, с. 971. Может быть, именно этот портрет Петрова воспроизведен в «Историческом вестнике» (1885, т. XXII, титульная страница).

² Лондонские каретные мастера Томас и Джон Райт (Wright). Самборский купил у них фаэтон для Я. И. Булгакова в 1773 г. (ГБЛ, ф. 41, картон 129, ед. хр. 27, № 5, л. I, 10 об.).

(Перевод Р. А. Зерновой)